

Лю Гопин задумал разбить перед домом небольшой палисадник под цветы. Старики — Лю Даошоу и Лю Гошэн — тут же принялись давать советы. Из-за крошечного клочка земли мужчины развели такое бурное обсуждение, словно решали судьбу государства.

Закончив уборку в доме, Ма Сухуа и Линь Гуйчжи вышли на крыльцо. Глядя, как те спорят до хрипоты из-за клумбы, женщины не смогли сдержать улыбок.

Пока мужчины, не прекращая спора, поддевали ломami каменные плитки мощения, Ма Сухуа и Линь Гуйчжи принялись помогать им, оттаскивая тяжелые камни в сторону. В разгар работы у ворот показался старейший житель деревни — стотрехлетний долгожитель Лю Голинь в сопровождении своего праправнука, маленького Лю Чжэнсюаня.

— Дядя Даошоу, бог в помощь! — зычно, во все горло крикнул Лю Голинь еще от калитки. Голос у старца был на удивление крепким и звонким.

— Ох, племянник-дядя Линь пожаловал! — Лю Даошоу поспешно отбросил кирку и пошел навстречу гостю.

— Дедушка Линь! — хором поприветствовали его Лю Гошэн и Лю Гопин, тоже оставив работу.

В деревне Лю все вели свой род от одного общего предка, поэтому к семейной иерархии и старшинству здесь относились с крайним почтением. И хотя Лю Даошоу по годам годился в сыновья Лю Голиню, тот по родовому древу приходился ему племянником, а потому обязан был величать его дядей. Самому же Даошоу, как старшему в роду, приходилось обращаться к столетнему старцу весьма причудливо — «племянник-дядя Линь», выказывая уважение и его преклонному возрасту, и своему семейному положению. Для Лю Гошэна и Лю Гопина долгожитель был ровесником по поколению, но по возрасту — глубоким старцем, так что они уважительно звали его «дедушкой-братом».

— Слышал я, братец Гопин на покой уходит да в родные края возвращается. Душа порадовалась, вот и решил заглянуть, — с улыбкой произнес Лю Голинь.

— Дедушка Линь, ну что вы, право слово! — засуетился Лю Гопин. — Не стоило вам утруждаться. Мы вчера только самые необходимые вещи из лавки перевезли. Я ведь сам планировал, как окончательно обоснуюсь, обойти всех старших родственников с поклоном.

— И ладно, и хорошо, — рассмеялся Лю Голинь. — В прежние времена это называли бы «возвращением на родину в расшитых парчой одеждах».

— Скажете тоже, дедушка Линь, — смущенно отмахнулся Лю Гопин. — Какой из меня важный чиновник? Обычный начальник отдела, ни чина толком, ни звания. Какая уж тут парча.

— Вернулся — и славно, — Лю Голинь посерьезнел и обратился к Лю Даошоу и его сыновьям:

— Я к вам вот по какому делу. Проведать Гопина — это само собой, но есть у меня к вам один важный разговор. Нужно кое-что обсудить.

— Тогда пройдемте в дом, — Лю Даошоу повернулся к младшей невестке: — Ступай в западное крыло, помоги Бянь Сянь с обедом. Приготовь побольше хороших закусок, сегодня дедушка Линь обедает у нас.

— Да ну что вы, не стоит беспокоиться, — попытался отказаться гость. — Обсудим дела, да я домой пойду.

— И слушать не желаю! Время уже к полудню близится. За неспешной беседой и пообедаем. Гопин как раз привез отличного свежего чая.

Даошоу требовательно махнул рукой Линь Гуйчжи, веля ей немедленно идти на кухню.

— Ну, будь по-войски, — не стал больше спорить Лю Голинь и повернулся к праправнуку: — Сяо Сюань, ступай-ка поиграй с дедушкой Юйчэном, а нам с твоими дедами поговорить надо.

Маленький Лю Чжэнсюань и Лю Юйчэн (сын Лю Сыюаня) были ровесниками и учились в одной начальной школе, а сегодня как раз были выходные. Мальчик уже собрался побежать в западное крыло на поиски Юйчэна и Юйцзин, но его окликнула Ма Сухуа. Она вынесла из дома целую горсть сладостей и щедро набила ими карманы ребенка.

Лю Гопин проводил гостя в гостиную. Ма Сухуа тут же принесла из кладовой чайные угощения, расставила посуду и включила электрический чайник.

— Всё-таки государственная служба накладывает свой отпечаток, — заговорил Лю Голинь, устраиваясь поудобнее. — Ты ведь моложе Юйли и Юйюэ будешь, а поглядеть на вас — они лет на десять старше кажутся.

Юйли и Юйюэ приходились Лю Голиню внуками и были на несколько лет старше Лю Гопина.

— Ну что вы, дедушка Линь, с вами всё равно никто не сравнится, — улыбнулся Лю Гопин. — Перешагнуть за сотню лет и оставаться таким бодрым и крепким! Кстати, скажите... по вашему опыту, есть ли в нашей деревне еще люди с таким же завидным здоровьем?

— Трудно сказать, я ведь не Сунь Укун, у меня нет всевидящего ока, — усмехнулся Лю Голинь. — Но в моей ветви таких, пожалуй, больше не предвидится. Сыновья мои, Сышэн и Сысянь, со своими женами уже давно почили. Внук Юйцзинь тоже ушел безвременно... Из правнуков — Пиньдун, Пиньхуа и Пиньлай — в боевых искусствах уступают Сыи, и намного. А среди праправнуков и вовсе остался один Чжэнсюань, единственная наша ниточка. Тренировать его так, как когда-то тренировали нас предки, сейчас никто не станет. Так что в моем роду я, пожалуй, останусь единственным исключением.

Ма Сухуа, которая внимательно слушала разговор, призналась, что ничего не понимает. Лю Гопин с улыбкой принялся разъяснять ей суть дела.

Оказалось, что в семье Лю из поколения в поколение передавалось предание о долголетию. В родовых книгах было зафиксировано более тридцати человек, перешагнувших вековой рубеж. Дольше всех прожил некий Лю Юнчжэнь — с седьмого года правления императора Юнчжэна до двадцать восьмого года правления Даогуана, разменяв сто девятнадцатый год. Главным и обязательным условием для такого невероятного долголетия, согласно легенде, было своевременное освоение ступеней боевого искусства «Сверкающий удар ноги семьи Лю».

Подобно музыкальным классам, мастерство в этой технике делилось на уровни — здесь их называли «ступенями». Продвижение вперед именовалось «восхождением на ступень».

Если юноша успевал овладеть очередной ступенью к строго определенному возрасту, считалось, что он заложил фундамент для долгой жизни. Эту закономерность потомки вывели, кропотливо изучая биографии своих вековых предков.

Обучение начиналось с двух лет с базовой стойки — столбового стояния. Тот, кто к шести годам осваивал стойку в совершенстве, считался преодолевшим первую ступень. На второй ступени развивали эластичность и упругость сухожилий ног. На это отводилось время с семи до восьми лет. Третья ступень — выносливость, маневренность и скорость удара — была ключевой. На первых этапах требования из-за нежного возраста учеников были щадящими, а вот период с девяти до шестнадцати лет требовал полной отдачи для закрепления и совершенствования навыков. Четвертая ступень ковала взрывную силу; овладеть ею требовалось до восемнадцати лет.

Всего в «Сверкающем ударе ноги семьи Лю» насчитывалось восемь ступеней. Начиная с пятой, четких критериев уже не существовало — оценивать мастерство становилось сложнее. Если до двадцати лет боец совершал заметный качественный скачок, считалось, что он вззошел на пятую ступень. Например, если на четвертой ступени человек мог перемахнуть через двухметровую стену, то на пятой высота прыжка должна была достигать трех-четырёх метров. На освоение каждой последующей ступени отводилось по пять лет вплоть до сорокалетнего возраста. Главным условием оставался непрерывный духовный и физический рост. Поэтому все долгожители рода Лю неизменно оказывались выдающимися мастерами боевых искусств.

— Выходит, у нашего Сыи есть все шансы стать долгожителем? — с улыбкой спросила Ма Сухуа.

— Весьма вероятно, — добродушно кивнул Лю Голинь.

— Да ну, бабушка надвое гадала, — покачал головой Лю Гошэн. — Мало ли что предки рассказывали, сказки всё это. К тому же, если судить строго по канонам, Сыи кое в чем не соответствует правилам. На второй ступени, когда тренируют сухожилия, он нормативы завалил. Обычно те, кто хорошо закладывает базу на этой ступени, вырастают высокими и статными. А Сыи у нас самый низкорослый в семье. Но нет худа без добра: в нынешнем

мастерстве его малый рост сослужил ему хорошую службу — центр тяжести ниже, оттого он и двигается гораздо быстрее и увертливее остальных.

— Хм, старший хоть в кунг-фу и не силен, а рассуждает здраво, — с улыбкой одобрил Лю Даошоу.

— Скажу вам честно, — Лю Голинь отпил чаю, — за многие годы наблюдений я пришел к выводу, что сейчас в нашей деревне есть по меньшей мере двое, кто унаследовал этот дар долголетия.

— И кто же это? — хором спросили присутствующие.

— Ты сам — первый, — с улыбкой указал Лю Голинь на Лю Даошоу.

— Я? — Даошоу забавно затрясся от смеха. — Да бросьте вы! Мне уже во сне регулярно видится, как я с Янь-ваном за жизнь толкую.

— А второй кто? — полюбопытствовал Лю Гопин.

— Внук Госю — Юйжунь, — уверенно произнес старец.

— Пожалуй, тут я соглашусь, — вздохнул Лю Даошоу. — Ветвь Чжэн-гуна всегда была малочисленной. Юйжунь сейчас молод, дай бог, на нем этот род снова расцветет и окрепнет. Только вот с нынешней строгой политикой ограничения рождаемости сделать это будет ох как непросто.

— И то правда, — задумавшись, подтвердил Лю Гошэн. — По линии Чжэн-гуна в поколении «Юй» остались только Юйжунь да Юйпэй. Всего две семьи на всю деревню.

— Вот именно, — кивнул Лю Даошоу.

Род Лю из волости Паньсю вел свое начало от двух братьев-основателей — Лю Чанчжэня и Лю Чанпу. И Лю Голинь, и Лю Даошоу принадлежали к многочисленной ветви Чанпу, к которой относилась едва ли не вся деревня. А вот потомки Чанчжэня угасали с каждым поколением. Сейчас их ветвь представляли всего два двора — Лю Госю и Лю Гофань, причем в обеих семьях рождалось исключительно по одному сыну.

У Лю Госю был единственный сын Лю Сычжан, который, в свою очередь, вырастил лишь одного наследника — Лю Юйжуна. Юйжунь родился в один день, месяц и год с Лю Сымянем, но до сих пор оставался холостяком.

У Лю Гофаня рос сын Лю Сысин, чьим единственным сыном был Лю Юйпэй. У того родилась

дочь Лю Пиньжун. Не желая мириться с отсутствием наследника, Юйпэй на заработках завел любовницу. Та родила ему ребенка, но, к его великому разочарованию, снова девочку. Родовые законы строго запрещали бросать детей, какими бы они ни родились, так что Юйпэю пришлось привезти малютку в деревню и отдать на воспитание матери. Девочке дали звучное мужское имя Лю Пиньхун, надеясь обмануть судьбу.

После того как в прошлом году не стало внука Лю Голиня — Лю Юйцзиня, следом ушел из жизни и Лю Госю. Теперь на тысячу жителей деревни Лю, среди которых насчитывалось более четырехсот мужчин, представителей ветви Чанчжэня по мужской линии осталось всего пятеро: Лю Гофань, Лю Сычжан, Лю Сысин, Лю Юйжунь и Лю Юйпэй.

Угасание рода Чанчжэня тяжким бременем лежало на плечах немногих выживших. Лю Юйжунь близко к сердцу принимал престиж семьи и из кожи вон лез на ежегодных родовых состязаниях, став в итоге лучшим бойцом в поколении «Юй». Лю Юйпэй же болезненно реагировал на любые новости о деторождении в деревне. Стоило кому-то родить сына, он первым бежал поздравлять счастливых родителей, а если находился на заработках в городе — немедленно звонил, надеясь перенять хоть толику чужого семейного счастья.

— Эх, Даошоу, — вздохнул Лю Голинь. — Дела Юйжуня и Юйпэя — это то, на что мы повлиять не в силах. Но я пришел к тебе по другому поводу. Думаю, в конце этого года нам нужно созвать Совет старейшин.

В этот момент в дом вошли Лю Сыи, Лу Чуньин и Лю Сыюань. Разобрав на улице привезенные Ма Сухуа товары, они пришли проводить родных и вежливо поздоровались со старейшиной. Вслед за ними из западного крыла показалась и Сюй Сяньфэн, прослышав о визите почетного гостя. Лю Голинь, дождавшись, пока все соберутся в гостиной, озвучил причину своего прихода.

— Созвать Совет старейшин? — удивился Лю Даошоу. — Но ведь пятилетний срок еще не вышел.

— Время требует особых решений, — серьезно ответил Лю Голинь. — Место главы старейшин по праву принадлежит тебе, но ты уступил его мне из уважения к моим сединам. Теперь вернулся Гопин. Из всех нас у него самое высокое образование и самый широкий кругозор. Считаю, пост главы старейшин нужно передать ему. Пусть послужит на благо общины, наведет порядок в делах. К тому же многие члены правления разъехались по городам на заработки, годами в деревне не показываются и делами не занимаются. А деревня у нас большая, забот хватает. Нужно полностью переизбрать совет управляющих.

— И то верно, давно пора переизбрать, — вставил Лю Сыюань, давно мечтавший войти в число управляющих. — Те, кто действительно хочет и может заниматься делами, сидят без должностей, а назначенные люди шляются на чужбине. С таким подходом мы все дела запустим.

— В твоих словах есть резон, — погладил бороду Лю Даошоу. — Ближе к концу года, когда все

уехавшие вернуться домой, мы поднимем этот вопрос перед общиной.

— А у тебя какие планы, дочка Ма? — повернулся Лю Голинь к Ма Сухуа.

— Думы снова открыть лавку на улице Паньсю, — весело ответила она. — На большие богатства не рассчитываю, но сидеть сложа руки не умею. Характер такой — если за день не умаюсь, к вечеру вся изнываю от тоски.

— Вот как... Значит, опять торговать, — с легким разочарованием протянул Лю Голинь.

— Лавка для нее — так, чтобы без дела не скучать, — вмешался Лю Даошоу, словно делясь секретом с Лю Голинем. — Я уже подумываю уговорить её передать это дело кому-нибудь другому. У моей старшей невестки здоровье совсем слабое. Она сама мне говорила, что как только Сухуа окончательно обоснуется здесь, она с радостью передаст ей свои обязанности по ведению внутренних дел общины.

— Да, правда ваша, — вздохнула Сюй Сяньфэн. — Из трехсот шестидесяти дней в году я дней триста то на таблетках, то на уколах. Дел в общине невпроворот, заботы требуют много сил и внимания. Вот я и подумала: когда Сухуа переедет, я лучше буду присматривать за её лавкой, а она пусть заступит на мое место распорядительницы внутренних дел.

— Прекрасно! Просто замечательно! — просиял Лю Голинь. — Даошоу, мы мыслим в одном направлении. Собственно, ради этого я сегодня и затеял весь этот разговор.

— Надо же, дедушка Линь, неужели вы пришли именно ради меня? — удивилась Ма Сухуа.

— Как вам обоим пришла в голову одна и та же мысль? — изумился Лю Даошоу, глядя на воодушевленного старца.

— Глобальные вопросы общины возьмет на себя Гопин, я буду помогать ему советом и улаживать разногласия. Но есть дела, которые под силу только женщине. У Сяньфэн здоровье некудышное, ей бы с трудом хватило сил подготовить всё к новогодним поминальным обрядам. Раз уж Янь-вану пока недосуг забирать меня, я не должен прожигать остаток дней впустую. Нужно принести пользу роду, прежде чем предстать перед предками. Я долго размышлял над этим, и кандидатура Ма Сухуа подходит как нельзя лучше, — со вздохом подытожил Лю Голинь.

— И что же это за дело такое государственной важности? — тут же почувствовала на своих плечах груз ответственности Ма Сухуа.

— Слышали, что стряслось у Вангов на горе Голова Змеи? — вопросом на вопрос ответил Лю Голинь.

— Вы про то, как Ван Цзякан человека зарезал? — тут же оживилась Лу Чуньин, всегда питавшая слабость к деревенским сплетням.

— Именно, — кивнул старик. — А знаете, из-за чего он за нож взялся?

— Поговаривают, жена ему неверна была, — отозвался Лю Сыи. — Он как узнал, так примчался посреди ночи из другого города и прикончил обоих — и её, и любовника.

— Так оно и было, — вздохнул Лю Голинь. — Ван Цзякан несколько лет безвылазно в Шанхае на заработках пропадал, домой дай бог раз в год на праздники приезжал. Дома оставались лишь молодая жена да сынишка четырех-пяти лет. Чего греха таить, девка молодая, мужа месяцами рядом нет, вот и пошла по наклонной.

Это двойное убийство наделало много шума в округе и еще долго оставалось главной темой для разговоров за чашкой чая.

Младшая сестра Цзякана, Ван Сяолань, вышла замуж в соседнюю деревню на горе Голова Змеи за мужчину из семьи Фэн. Она держала небольшое швейное ателье на торговой улице. Как-то вечером, возвращаясь от заказчика, она решила занести сшитую одежду и заодно навестить племянника. Зайдя в дом, она застала малыша одного: тот уснул прямо перед включенным телевизором. Сяолань охватила жалость. Разбудив мальчика, она спросила, где его мать. Тот сонно пробормотал, что мама ушла к дяде Ван Лэю на окраину деревни купить ему чего-нибудь вкусненького. Ей это показалось странным: время позднее, зачем идти за сладостями на край деревни, да и Ван Лэй отродясь никакой лавки не держал. Хоть малец и называл Ван Лэя «дядей», по возрасту тот был ровесником самой Сяолань. Заподозрив неладное, женщина тайком прокралась к дому Ван Лэя. Окна были плотно занавешены, в доме царила темнота, но, прижавшись ухом к стеклу, она отчетливо слышала характерные вздохи и стоны страсти. Сяолань всё поняла.

Не медля ни минуты, Сяолань позвонила брату в Шанхай и выложила всё без прикрас. Ван Цзякан от услышанного чуть ума не лишился.

«Я там, как проклятый, не разгибая спины вкалываю, каждую копейку в семью шлю, а эта тварь тут кувыркается!»

Никому ничего не сказав, он в тот же день сел на поезд и вернулся в деревню. Домой заявляться не стал, а залег на дно в швейной мастерской сестры. Выслушав её подробный рассказ, он велел сестре держать его приезд в строжайшей тайне, а сам затаился, выжидая удобного момента, чтобы поймать голубков с поличным. Спрятав за пазуху тяжелый мясницкий тесак, он караулил жену двое суток, но та сидела дома как ни в чем не бывало. Лишь на четвертую ночь, дождавшись, пока сын крепко уснет, неверная жена выскользнула из дома и направилась к Ван Лэю. Выждав полчаса, Ван Цзякан взломал хлипкую входную дверь, с одного удара вышиб дверь в спальню и, не дав ошарашенным любовникам опомниться, пустил в ход тесак. Ван Лэю досталось больше всего — на нем буквально живого места не осталось, тело превратилось в кровавое решето.

<http://bllate.org/book/18980/1960135>